

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ НАД СЕМАНТИКОЙ И СТАТУСОМ СЛОЖНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С УСТУПИТЕЛЬНЫМИ СОЮЗАМИ

1. Неизбежность исследовательской логики привела к включению в круг проблем, связанных с сочинительностью, предложений со значением «уступительности». Наибольший интерес в этом смысле представил союз *хотя*, который (как будет показано далее) включается в высказывания, находящиеся в синтаксическом пространстве где-то между сочинением и подчинением¹.

Существующие работы по сложному предложению в русском языке непременно (и, как мы постараемся показать, несколько по-разному) связывают *хотя* с *хоть*. Поэтому, естественно, встал вопрос о функциональной тождественности этих двух лексем, о том, является ли их различие семантическим или стилистическим, или и тем и другим одновременно. В свою очередь решение этого вопроса требовало обращения к фактам истории языка, к попытке определить смысловые схождения и расхождения этих двух союзов (как и многих союзов, часто трудно таксономически отделяемых от так называемых «частиц»).

Таким образом, композиционно дальнейшее изложение состоит из следующих разделов:

- некоторой исходной теоретической преамбулы;
- обсуждения вопроса о сочинительной или подчинительной сущности сложных предложений с *хотя* и *хоть*, т. е. обсуждения вопроса об их лингвистическом статусе;

---

¹ Некоторые предварительные наблюдения авторов по данной теме представлены в их публикациях и выступлениях: [Фужерон 1997; Фужерон 1998; Николаева 1999].

— обсуждения проблемы наличия или отсутствия противительного союза *но* в предложениях с *хотя* и *хоть*;

— попытки сформулировать основные функционально-семантические различия употребления *хотя* и *хоть* в синхронии и диахронии²;

— обсуждения проблемы функционально-семантического статуса «расширителей» этих лексем, вроде *и*, *бы*, *будет* и т. д.;

— обсуждения возможных гипотез о генезисе *хоть* как отдельной лексемы.

1.1. Изучение функционирования в славянских языках некоторого особого коммуникативного фонда, который мы условно называем «партикульным набором», привело к выводам, которые нужно предварительно эксплицировать (подробно об этом см. [Николаева 1985]). А именно: на определенном этапе развития языка все лексемы коммуникативного фонда (частицы, союзы, междометия, местоимения, местоименные наречия и под.), в отличие от знаменательных слов-апеллятивов, могут быть описаны через порождающую комбинаторную грамматику, где исходными компонентами являются либо моновокальные единицы (*а*, *о*, *у*, *и*, *е*), либо комбинации вокалов с прикрывающим их инициальным консонантом: *ли*, *бо*, *да*, *къ*, *тъ* и многие другие.

Получаются комбинации типа *и + бо*, *ли + бо*, *и + ли*, *е[је] + же + ли*, *у + же*, *у + бо*, *къ + то*, *та + къ* и под., даже протяженные типа *не + у + же + ли*. К таким комбинациям восходят и наречия типа *здесь*, *там*, *тут* и под. Условно эти порождающие возможности были названы «конструктором». Как правило, фонетика этих партикулярных единиц довольно проста: V, VC, V/c/. На уровне кодификации такие комбинации партикул могут представлять в одних языках контактно и графически слитно, а в других как дистантные и графически отдельные компоненты, см., например, болгарское *дали* (*да + ли*) и русское *Да идешь ли ты?*, где *да* и *ли*

² На самом деле, как будет показано далее, в игру оказались вовлеченными не две лексемы, а три: *хотя*, *хоти* и *хоть*.

дистантны. Одни и те же генетически партикулы и партикулярные комплексы могут по-разному функционировать в родственных языках: либо как междометия, либо как частицы, либо как союзы. Это относится и к корреляции между литературным языком и диалектными употреблениями. Так, например, Р. Ф. Касаткиной и Л. Л. Касаткину принадлежит важное наблюдение о том, что в русских диалектах *ну* (междометие в литературном языке) функционирует в качестве противительного союза, то есть как литературное *но* [Касаткин, Касаткина 1997], которое в свою очередь в диалектах мало употребительно. Простые по составу партикулы могут быть функционально синонимичны составным, например, русское *да* и чешское *a + no*. Возможна синонимия комплексов, например, литературное *даже* (*да + же*) и нелитературное *ажно* (*a + ж/е/ + но*), где *a* и *но* соотносятся с *да*, а *же* = *ж*. Важна, таким образом, идея, что даже в одном языке и одном стиле отделить союз от частицы, а частицу от междометия бывает не всегда возможно. Так, В. В. Виноградов, говоря о союзе *хотя*, пишет, что круг значений этого союза и его дублета *хоть* суживается тем, что они «являются одновременно и союзами, и уступительно-ограничительными частицами» [Виноградов 1972: 537]. А. М. Пешковский, анализируя союз *хотя*, приводит пример *Да отсюда хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь*, где, по общей классификации, *хоть* является частицей [Пешковский 1956: 489].

Все эти комбинаторные порождения можно уподобить и калейдоскопу, где разнообразные «картинки» создаются небольшим числом исходных простых фигур. Интересно при этом следующее. Находящаяся в распоряжении Т. М. Николаевой программа порождения всех возможных комбинаций из 10 инициальных компонентов от 2 до 4 составляющих дает общее число около 5000 вариантов. Однако реальные языки используют небольшое количество таких комбинаций. При этом важно, что порождение по этому «конструктору», как видно, далеко не исчерпавшее себя, вдруг прекращается, и языки начинают использовать для коммуникативных целей «застывшие» формы знамена-

тельных слов типа *пусть, пускай, буде, несмотря* и под. Явление это отмечено для всех славянских языков (вероятно, и не только для них). Стимулирующим для будущих исследований является выяснение причин этого процесса.

Однако, по нашему мнению, интересно и то, что процесс порождения «партикульных» комбинаций при этом не останавливается, и новые квазипартикулы начинают вовлекаться в этот процесс комбинаций и рекомбинаций.

Все сказанное имеет непосредственное отношение к обсуждаемым вопросам. Так, неясно, например, как трактовать в этом свете *хоть + и, хотя + бы* — как единый комплекс или как сочетание лексем? Далее, в частности, мы остановимся на параллелизме в древнерусском *хоти... ино* (теперь не употребляющееся). Имеем ли мы дело здесь с перераспределением *хоти + и + но, и* — тем самым — все с тем же известным сочетанием *хоть + и*, или здесь необходима другая трактовка?

1.2. Второй, необходимой для преамбулы, исходной установкой является мысль о том, что сложные предложения (как сложносочиненные, так и сложноподчиненные) не раскладываются по отдельным функциональным «полочкам»: условные, уступительные, временные, определительные и под., а располагаются в сфере синтаксиса по полевому принципу, создавая крупные семантические «узлы», где смысловые и синонимические связи оказываются очень сильными. Так оказываются связанными отношения причинности, условности, противительности и интересующей нас уступительности. Недаром уступительность именуется «обратной обусловленностью» и совершаемые действия противоречат этой обусловленности. Поэтому так же в таксономическом плане затруднительно сказать, имеем ли мы дело в высказываниях типа *Хоть Вы и умный человек, но в данном случае я с Вами не согласен* с комбинацией двух синтаксических смыслов: 1) *А — но — В + 2) Хоть А — В* или же с единой уступительно-противительной моделью. О подобной связанности по полевому принципу категории уступительности говорится во всех «фундаментальных» грамматиках русского языка [АГ 1954; АГ 70; АГ 80], но наиболее подробно

это разработано и сформулировано В. Б. Евтюхиным в разделе «Обусловленность» в подразделе «Группировка полей обусловленности: причина, условие, цель, следствие, уступка» [Евтюхин 1996], где аргументированно доказывается, что все эти синтаксические категории «являются членами одного языкового класса — обусловленности».

Кроме того, при анализе функций союза необходимо помнить, что внутренняя семантика соединяемых союзом предложений небезразлична для интерпретации общего смысла высказывания (но может быть и безразлична!). Так в бессоюзном *Чин следовал ему — он службу вдруг оставил!* семантика уступительности обеспечивается и без союза, в сочетании же двух предложений: *Папа болеет, мама уезжает в командировку*, только союз может обеспечить верную интерпретацию соотношения этих событий. В монографии [Николаева 1969] выводятся правила иерархического доминирования для союзных и бессоюзных сложных предложений у трех показателей: союза (С), лексического состава (Л) и знака препинания (ЗП)³.

1.3. Важно подчеркнуть далее, что собственно уступительные отношения и союзы *хотя и хоть* в этом значении возникли довольно поздно⁴, но на более раннем этапе в древнерусском языке использовался союз *аще*, имевший условно-уступительное значение (подробно об этом см. [Лавров 1941]). В некоторых текстах, как пишет Лавров, союз *аще* имеет почти всегда уступительное значение, а

---

³ С. А. Шувалова в статье «Сложное предложение» вводит удачное понятие «фразеологизированных схем» для сложного предложения, когда в одной из его частей выступает «полностью или частично опустошенный лексический элемент» типа *Не успел...*, *Стоило...* и под., практически стоящий на грани лексических единиц и союзов [Шувалова 1997: 513].

⁴ В настоящей работе мы пользуемся терминами уступительность и уступительные союзы. Однако изучение литературы по этому вопросу неожиданно продемонстрировало, что в петербургских (ленинградских) исследованиях используется термин *уступка* (аналогично — условию), в других же российских трудах этот термин не применяется.

условные функции выполняет *буде* [Лавров 1941: 118]. (О происхождении современных *хотя*, *хоть* и древнерусского *хоти* будет подробно говориться далее.) Известно, однако, что союз *хотя* использовался еще в «Русской правде» [Кухаревич 1955].

2. Являются ли уступительные союзы *хотя* (*хоть*) союзами подчинительными или сочинительными — вопрос, поднимавшийся многократно на страницах грамматических описаний, хотя сам термин «придаточное предложение» впервые встречается у русских грамматистов первой половины XIX века: А. Х. Востокова в «Русской грамматике» (1831 г.) и Н. И. Греча в «Практической русской грамматике» (1834 г.)⁵. В. В. Виноградов [Виноградов 1972: 555] возводит возникновение этой таксономической неразрешенности в описании к трудам Д. Н. Овсянико-Куликовского [Овсянико-Куликовский 1912], который относил уступительные союзы к сочинительным. Перечень основных точек зрения по этому поводу приводится в широко известной работе С. Ильенко [Ильенко 1966]. Однако тенденция относить уступительные предложения к сложноподчиненным все же является более общепринятой⁶. Попытку выйти из этой таксономической затрудненности делает Н. Е. Кухаревич [Кухаревич 1955]. Единственный выход из многочисленных тупиковых вариантов квалификации уступительных предложений автор видит в расчлененном описании каждой из конструкций со значением уступительности, когда дается «дифференцированный подход» с модификациями метаописания. Своеобразный подход предлагается в кандидатской диссертации Н. П. Перфильевой [Перфильева 1984]. Н. П. Перфильева предлагает ввести в синтаксический обиход особый вид синтаксических структур — УПК (уступительно-противительные конструкции) и рассматривать их в виде особого класса, поскольку «семантика УПК гораздо слож-

⁵ Используются данные из монографии: [Валгина 1971: 289 и далее], где автором подробно излагается история вопроса.

⁶ К сожалению, нам не удалось ознакомиться со статьей В. Павловского [Павловский 1911].

нее смысловой структуры как уступительных, так и противительных конструкций, и отношения, которые складываются в УПК, являют собой результат взаимодействия уступительных и противительных отношений» [Перфильева 1984: 12]. Таким образом, подходы Кухаревич и Перфильевой как бы противоположны. В некотором смысле идеи Н. П. Перфильевой и Н. Е. Кухаревич оказываются объединенными в подходе Р. М. Теремовой, монография которой является в настоящее время основной специальной работой, посвященной проблемам уступительных корреляций [Теремова 1986]. По идее Р. М. Теремовой, «структура уступительной конструкции очень сложна». Она формируется четырьмя семантическими компонентами, комбинации которых определяют каждый подвид уступительного высказывания. Эти компоненты следующие: 1) У (П 1) — уступительный компонент, событие-уступка, недейственное основание, 2) С 1 — ожидаемое на основании П 1 следствие, 3) П 2 — превосходящая причина, 4) С (С2) — следственный компонент, фактическое следствие. По мнению Р. М. Теремовой: «Уступительная ситуация в полной мере иллюстрирует тезис о том, что значение сложного предложения — это не сумма смыслов, а качественно новый смысл, возникающий в результате взаимодействия семантических компонентов» [Теремова 1986: 5]. Ранее А. В. Богомоловой [Богомолова 1955] также высказывалась мысль о полном представлении отношения уступительности как триады: препятствие в придаточном — действие в главном — некая причина, превосходящая препятствие в придаточном: *И хотя он был красив, она оттолкнула его, потому что боялась отца* [(Горький) пример А. В. Богомоловой⁷]. Разумеется, в настоящее время наиболее значительной работой по семантике, анализу категориального статуса и интерпре-

---

⁷ Небезынтересно отметить, что именно этот пример проходит практически через все работы, посвященные категории уступительности, однако часто он представляется бинарно, хотя именно его эксплицитная трехчленность является более интересной для синтаксиста.

тации текстовой нагруженности сложных предложений является монография М. В. Ляпон [Ляпон 1986], где уступительность и ее проблематика вписываются в рамки общей концепции автора.

Согласно точке зрения М. В. Ляпон, в «чистом виде» уступительный принцип эксплицирован союзом *несмотря на то, что* и его семантическими эквивалентами. Интересующие нас «союзы» *хотя* и *хоть* она называет «релятивами неаналитической структуры» [Ляпон 1986: 139] и считает, что они используются как модификаторы собственно-уступительных отношений. В большой степени, по мнению М. В. Ляпон, при этих релятивах играет роль контекст (см. выше ссылки на работу [Николаева 1969]), а там, где смысл не подтверждается контекстом, релятив не дает оснований для квалификации сообщения как уступительного, то есть содержащего «отвергнутое основание»: например, *Хороши такие летние туманные дни, хотя охотники их не любят (И. Тургенев)* [Ляпон 1986: 139].

Однако, несмотря на то, что в 1986 году вышли такие фундаментальные работы, как книги М. В. Ляпон и Р. В. Теремовой, статус уступительных предложений по-прежнему остается неопределенным.

Так, если обратиться к энциклопедическим статьям самого последнего времени, мы видим, что С. А. Шувалова в статье «Сложное предложение» в Энциклопедии «Русский язык» пишет: «В некоторых случаях провести разграничение между сложносочиненным и сложноподчиненным предложением не удастся, поскольку в сфере сложного предложения отсутствует резкая граница между сочинительной и подчинительной связью» [Шувалова 1997: 513]. Пример С. А. Шуваловой — именно уступительное предложение: *Хотя уже стемнело, но люди не расходились*. Разумеется, осторожная формулировка С. А. Шуваловой диктуется именно проблемами самих уступительных предложений.

2.1. Существуют в литературе и формальные способы различения конструкций сочинения и подчинения. Так, А. М. Пешковский, обращаясь к разработанному им и

ставшему широко известным критерию обратимости для сочинения и необратимости для подчинения, пишет о том, что при перестановке соединяемых противительным союзом членов «обратимости» мешает наличие семантики уступительного характера. Один из его примеров:

Грядущие годы таятся во мгле,
Но вижу твой жребий на светлом челе,

где оказывается невозможным:

Вижу твой жребий на светлом челе,
Но грядущие годы таятся во мгле,

в отличие от структур типа *Он строг, но справедлив* и *Он справедлив, но строг*. А. М. Пешковский пишет, что «при перестановке таких предложений необходимо противительный союз заменить уступительным» [Пешковский 1959]. Получается:

Вижу твой жребий на светлом челе,
Хотя грядущие годы таятся во мгле.

Однако при этом остается неясным ряд вопросов. А именно: что мы при этом делаем: переходим от сочинения к подчинению? заменяем союзы и делаем позиционную перестановку? уловив уступительность в структуре первого предложения, эксплицируем ее в виде союза?

2.2. Возможно, имеет смысл еще раз обратиться к формальному критерию, предложенному С. И. Карцевским в его известной работе «Deux propositions dans un seule phrase» [Karcevski 2000: 195–210]. По мнению С. И. Карцевского, отношения подчинения бывают представлены формулами t/k и k/t . Показатели эти местоименного характера. (Возвращаясь к сказанному выше, можем сказать, что они восходят к устройству, названному нами выше «конструктором».) Если отвлечься от уступительных структур, то неместоименного происхождения, как и они, и союз *если* (он смешанного характера: из *есть* + *ли*).

Таким образом, к уступительным предложениям неприемима ни одна из формул С. И. Карцевского. А именно:

а) союз *хотя* не местоименного, а глагольного происхождения,

б) на месте указательного местоимения серии *t* оказывается союз — показатель **сочинительной** связи (*Хотя она была богатой невестой, но всю жизнь прожила одна*).

в) С. И. Карцевский отмечает, что, кроме предложений с условным придаточным, нормативной, немаркированной является формула *t/k*, а формула *k/t* — это формула окрашенная, экспрессивная. И действительно, примеры типа *Ты куда собираешься?* — *Куда я собираюсь, тебя не касается* — эмоционально окрашены. Не случайно именно формула *k/t* выступает во фразах афористических, гномического характера, лозунгах и под.:

Кто не работает, тот не ест!

Кто не с нами, тот против нас!

Кого люблю, того и бью и т. д.

Именно для уступительных структур (подробнее об этом далее) характерна препозиция части с союзом *хотя*.

г) Многие лингвисты (в том числе Карцевский и Пешковский) приравнивали характеристики подчинения к отношениям между определяющим и определяемым в простом предложении. В уступительных предложениях эти отношения констатировать труднее. Например, *Хотя ничего не решено окончательно, мы, наверно, поедем в Париж* (Б. Пастернак); *Хотя в денежном выражении положение Марка было далеко не самым высокооплачиваемым, доступ к супердефицитным товарам обеспечивал ему высокое положение в обществе* («Судьбы людей». М., 1996). Такие высказывания легко превращаются в сочиненные, где отношения подчинения отсутствуют.

д) Уступительные предложения легко парцеллируются, уступительная часть выделяется в отдельное, самостоятельное предложение: *Назаров оказал медвежью услугу, предложив Володьке (роль) Рябого. А тому не надо было соглашаться. Хотя я, кажется, неправ* (В. Золотухин). В такой функции, как можно представить, не выступают придаточные «классического толка».

Таким образом, можно констатировать, что лишь неотторжимость союза *хотя* от вводимой им части сви-

детельствует в пользу отнесения уступительных сложных предложений к подчинительным. В этом отношении целесообразно привести высказывания В. А. Белошапковой, много занимавшейся общими вопросами сочинения и подчинения: «Таким образом, существует порочный круг: в качестве основания для установления или наличия синтаксической зависимости (сочинение/подчинение) выдвигаются определенные группы союзов, а в качестве основания для деления союзов на эти группы — отсутствие или наличие синтаксической зависимости между компонентами предложения, соединяемыми союзами» [Белошапкива 1967: 87].

Это еще раз подтверждает гибридность статуса предложений с уступительными союзами, наличие в синтаксисе зоны, пограничной между сочинением и подчинением. (В. А. Белошапкива квалифицирует уступительные предложения как расчлененные предложения гибкой структуры [Белошапкива 1967: 126], то есть и в ее классификации имплицитно скрывается мысль о гибридности уступительности).

3. Как объяснить, если идти далее, тот факт, что *хотя*, как будто бы само по себе достаточное для выражения уступительной семантики, иногда обязательно требует присутствия *но*, иногда *но* является факультативным, а иногда даже излишним?

Известно, что предложения с *но* в меньшей степени зависят от контекста, чем предложения подчинения, хотя внутри таких предложений именно часть, вводимая через *но*, оказывается самой важной и весомой [Санников 1989]. См.: *Она работает хорошо, но медленно. Нам такая скорость будет мешать. И — Она работает медленно, но хорошо. Мы возьмем ее на работу.*

Что касается сложного предложения с *хотя*, то чаще всего его семантика базируется на чем-то уже известном, на каком-то знании, на пресуппозиции, на обращенности к предыдущему контексту. Можно предположить, что придаточное уступительное в препозиции более значимо, более информативно, чем в постпозиции. Постпозитивное

предложение семантически ослаблено, часто является заключительной прибавкой, после которой контекст уже не разворачивается:

Со мной было двое парней, один из них все пытался бакалавра сдать, хотя ему было, наверное, года двадцать два или двадцать три (*из устного разговора*);

И это на деньги отца мать торжественно делает раз в месяц пельмени — кушанье, которое я жадно люблю и которого всегда нетерпеливо ожидаю, хотя мне известно, что его можно есть только однажды в месяц, «после двадцатого» (*Ф. Шалапин*);

Я совсем ошалел от «Огненного ангела», это самый совершенный русский роман, хотя, конечно, у Достоевского отдельные места ярче (*письмо С. М. Соловьева*);

Путешественники были одеты по последней парижской моде, даже бороды у мужчин были подстрижены на французский манер <...> Сидели они за столиком с остатками ужина и небранной еще посудой и попивали красное вино. Около них на полу лежал их ручной багаж <...> Мужчины были невеселы, хотя перед ними и стояли три опорожненные бутылки из-под красного вина и на половину отпитый графинчик коньяку. Они были слишком утомлены большим переездом из Парижа в Марсель и разговаривали, позевывая (*Н. Лейкин*).

Видно, как в последнем примере информация, вводимая через *но*, является как бы «случайной». Таким образом, при постпозиции *но*, смысловым центром становится инициальная, то есть подчеркнутая позиция «главного», и ее нет необходимости еще раз эксплицитировать через *но*.

Можно предположить в качестве гипотезы, что *но* вводится в тех случаях, когда придаточное и главное имеют одно и то же подлежащее, которое часто элиминируется и как бы «возвышается» введением *но*.

— Ври, ври больше! Никакой даже и губернии Апельсинской нет. Апельсины только в Италии растут.

— Ну, тебе и книги в руки. Ведь нам в сущности все равно. Я хоть в коммерческом училище тоже два года проучился, и географию мы учили, но до южных стран не дошел, и отец взял меня оттуда (*Н. Лейкин*).

Там же, где в главном и придаточном в уступительных структурах подлежащие разные, но часто отсутствует⁸.

Хотя подготовка реформы действительно началась до революции, последняя точка в этой дискуссии была поставлена искусственно («Русская мысль»);

И хотя уже давно мимо вагонного окна разворачивались поля <...> Франц еще ощущал, как отъезжает городишко, где он прожил двадцать лет (В. Набоков);

Хотя в денежном отношении положение Марка было далеко не самым высокооплачиваемым, доступ к супердефицитным товарам обеспечивал ему высокое положение в обществе («Судьбы людей»).

Отсутствие союза *но* отмечается и в тех случаях, когда синтаксические структуры придаточного и главного предложений не являются параллельными, например, стыкуются безличное придаточное и личная форма в главном предложении:

Антонина прирабатывала к его пенсии шитьем. И хотя ему было это не по душе, он никогда с ней об этом не заговаривал (В. Максимов);

В духовном хоре, где я пел, был симпатичный юноша Панкратьев. Хотя ему было уже семнадцать лет, он пел еще дискантом (Ф. Шаляпин).

В каких же случаях *но* присутствует и тогда, когда и в главном, и в придаточном подлежащие разные? Можно предположить, что оно выделяет тему во втором предложении, подобно тому, как это делает союз *а* в противительных конструкциях:

Отец уже ездил смотреть квартиру, а я / поеду завтра;

— Ты отделалась?

— Комната убрана, а кухня / еще грязная.

⁸ Авторы отлично понимают, что в принципе можно употребить и *но* в подобных случаях, однако, как представляется, возможна уже и такая исследовательская оптика, когда о родном языке сообщается не в категории: можно/нельзя, а в категории: это скорее будет так, а не так.

Ср.:

Марко должен был со временем стать правителем всего королевства, но Антонио / не хотел подчиняться своему старшему брату (В. Брюсов).

Введение *но* в таких конструкциях может влиять на порядок слов в главном предложении, а именно: тема выделяется также и позиционно:

Хотя шел дождь /, мы поехали на дачу.

Ср.:

Хотя шел дождь, но на дачу / мы поехали.

Актуализируются через *но* и тематические выделяемые обстоятельства с семантикой противопоставления:

Хотя я не люблю дождь, но иногда / именно в дождливую погоду меня тянет погулять;

У сапожника Андреева я сразу попал в тиски. Хотя я умел сучить щетину и точить, но здесь / меня заставили мыть пол, ставить и чистить самовары <...> и вообще началась каторга (Ф. Шаляпин);

[Гамбринус]. Так называлась пивная в бойком портовом городе на юге России. Хотя она помещалась на одной из самых людных улиц, но найти ее / было довольно трудно, благодаря ее подземному расположению. Часто посетитель <...> умудрялся миновать ее (А. Куприн).

Возможно, что при отсутствии *но* порядок слов был бы иным:

Хотя она помещалась на одной из самых людных улиц, ее было довольно трудно найти, благодаря ее подземному расположению.

Таким образом *но* в подобных примерах может выполнять функцию, сходную с функцией союза *а*, который, как отмечалось в ряде работ И. Фужерон [Fougeon 1987 и др.], членит второе предложение на тему и рему, тогда как первое оказывается нечленимым. Эти синтактико-интонационные наблюдения соотносятся с

общей идеей И. Фужерон, которая, вслед за Ж.-Ш. Перро [Perrot 1971], не принимает существования структур: R—T | T—R, а считает первую часть цельной, а вторую — приложением к ней. Тогда противительные союзы членят вторую часть.

4. Выше говорилось о том, что авторы попытались найти (обнаружить) семантико-функциональные различия уступительных союзов *хотя* и *хоть*.

Квалифицируются эти союзы в литературе по-разному. Существуют следующие варианты:

1) *Хотя* (*хоть*). То есть тем самым они объявляются полностью синонимичными.

2) *Хотя* (разг. *хоть*). Здесь *хоть* объявляется стилистическим (или стилистико-функциональным?) вариантом.

3) *Хотя*, *хоть*... Таким способом они объявляются разными союзами, но об их различии как правило не сообщается и в дальнейшем они фигурируют именно такой сдвоенной парой.

Существует мнение, что *хоть* — феномен фольклора: пословиц, былин, поговорок. Не исключает его и трактовка *хоть* как фактора ритмического, как бы «краткого» односложного варианта *хотя*. Наконец, *хоть* считается признаком несколько простонародного употребления. И, разумеется, все эти наблюдения справедливы.

По поводу функциональных различий *хотя* и *хоть* существует публикация Н. П. Перфильевой [Перфильева 1977]. Автор ощущает отсутствие обоснований для объявления *хоть* «фонетическим» вариантом от *хотя* и обследует составленную ей картотеку из 220 примеров сплошной выборки (художественная литература XIX и XX в.). Кратко ее выводы можно характеризовать так, что *хоть* чаще встречается в «нереально-уступительных» конструкциях, а *хотя* — в «реально-уступительных» и сопоставительно-противительных. Кроме того, *хоть*, по ее мнению, ближе к частице, выполняя ограничительную функцию, и потому — это таксономически гибридная лексема, а *хотя* — ближе к собственно союзу. Тем самым «функтивы *хотя* и *хоть* не являются вариантами» [Перфильева 1977: 69].

И все же функциональные различия этих союзов, именно как союзов, ощущаются и в современном русском литературном языке⁹.

Например, скорее всего будет сказано: *Хоть Вы меня всегда и обижали, а я к Вам все равно хорошо отношусь* (но не *хотя*); *Он подолгу оставался на работе, хотя у него и дома были все условия* (не *хоть*). *Она какая-то нескладная, хоть и красавица* (скорее *хоть*, а не *хотя*); *Я продолжал бежать, хотя силы уже иссякали* (здесь вряд ли *хоть*).

Можно предположить, что *хоть* до сих пор сохраняет свою исходную функцию быть деепричастием (причастием) настоящего времени от глагола *хотеть*¹⁰. Иначе говоря, *хоть* стремится передавать **параллельные** акциональные процессы, состояния, поступки.

Тогда естественно предположить, что *хоть* связывается с иной сферой временного статуса. Действительно, *хоть* передает, как правило, состояние статальное, как бы извечный статус, или статус сегодняшнего дня, но не действие в настоящем, наконец, этот союз передает действие, совершенное в прошлом, или даже действие, предполагаемое в будущем.

См., например, прекрасно иллюстрирующий этот тезис пример из «Моцарта и Сальери» Пушкина:

И никогда на шопот искушенья
 Не преклонился я,
Хоть я не трус,
Хотя обиду чувствую глубоко.

Здесь очевидно постоянство признака в первом случае — с *хоть* и одновременность состояния двух акциональных феноменов во втором — с *хотя*.

⁹ Еще раз напоминаем о том, что речь будет идти не о невозможности/возможности, а о некоторой обнаруживаемой тенденции употребления этих союзов.

¹⁰ О существующих неясностях в определении происхождения союза *хоть* будет говорить далее.

Итак, *хоть* как бы отходит от неопределенности сейчас свершающегося события, в отличие от совпадающего с ним по времени *хотя*.

Поэтому именно *хоть* гораздо чаще сопрягается с *и*, которое уводит восприятие от настоящего момента, переводя происходящий факт в сферу известности, определенности, некоторой анафоричности: *Утро было светлое, хоть и холодное*.

Подобное *и* связано с категорией определенности, известности, так что высказывалось даже предположение, что такое русское *и* можно считать (условно!) чем-то вроде «определенного артикля» при глаголе [Николаева 1985: 113]. Например,

— А Вы бы поискали это в «Доме книги»!

— Я и был там. (*Или* — Я там и был).

Необходимо заметить, что здесь еще раз встает проблема требования/нетребования дистантности или контактности при квалификации лексемы как цельного единства. Иначе говоря, если завтра будет принято решение о слитном написании с частицей *бы*, то тут же — как естественный факт — возникнет союз-частица *хотя бы*, подобно *даже* или *неужели*. Поэтому не так просто ответить на вопрос, не существует ли как цельность союз *хоть и* (и даже *хотя и*) или это все-таки комбинация двух союзов. К этому же кругу проблем относится и вопрос (более остро он встанет ниже, при обсуждении древнерусских данных) о синонимии союзных лексем с «распространителями» и без них. В частности, очевидно, что и *хоть*, и *хотя* в сочетании с существительными конкретного значения имеют семантику минимизации, однако они не противопоставлены друг другу «прямо», то есть нельзя сказать: *Дайте хоть кусок хлеба* vs *Дайте хотя кусок хлеба*, но *хоть* в таких конструкциях противостоит *хотя бы*, то есть *хотя* с распространителем *бы*. Семантическое противопоставление в этом случае, как представляется, следующее: *Хоть* ориентировано на ноль, на возможную опасность не получить ничего, а *хотя бы* — на некий исходный, но ожидаемый минимум с надеждой на нечто

большее. То есть *Дайте хоть два рубля* имеет в пресуппозиции: если у Вас так плохо с деньгами, и Вы не хотите ничего давать, а *Дайте хотя бы два рубля* подразумевает: а если больше, то было бы еще лучше.

4.1. В свете всего вышесказанного важно отметить, что сформулированная выше функциональная дистрибуция примеров с *хоть* и *хотя* вполне отчетливо просматривается в наших «академических» грамматиках русского языка, однако, по нашим наблюдениям, на это ранее просто не обращали внимания.

Например (используем приведенные там данные):

Я обрадовался, увидев родной город, *хоть* и неласков он был ко мне (*Ф. Шаляпин*) — известное предшествующее состояние;

Иван Степанович, *хоть* и был инструктором по спорту на этой гимназической площадке, был все же в преподавательском персонале и ходил в учительской тужурке и фуражке (*Ю. Олеша*) — постоянный статус персонажа.

Вы *хоть* и мастер угадывать, однако же ошиблись (*Ф. Достоевский*) — также известный постоянный статус.

Хоть слушать всякий вздор богам бы и не сродно.

На сей однако ж раз послушал их Зевес (*И. Крылов*) — известное постоянное свойство богов.

Приведем примеры на *хотя*:

Ей пробовали рассказать, что говорил доктор, но оказалось, что, *хотя* доктор и говорил очень складно и долго, никак нельзя было точно передать того, что он сказал (*Л. Толстой*) — одновременный процесс речи и непонимания.

Мой репертуар стал казаться мне заигранным, неинтересным, *хотя* я и продолжал работать, стараясь внести в каждую роль что-то новое (*Ф. Шаляпин*) — одновременность акции и внутреннего состояния.

Учился он порядочно, *хотя* часто ленился (*И. Тургенев*) — одновременность протекания акциональных процессов.

Хотя было еще рано, но ворота оказались запертыми (*В. Короленко*) — одновременность двух состояний.

Хотя ложь еще живет, но совершенствуется только правда (*М. Горький*) — одновременность двух процессов.

Хотя в комнате были только эти двое товарищей — друзей, начальник артиллерии со всей военной выправкой подошел, остановился и рапортовал о предварительном исполнении приказа (А. Толстой) — одновременность действия и состояния.

Можно ли, отметив подобную тенденцию, тут же фиксировать случаи контрпримеров, то есть случаев, когда эти союзы употребляются не так, как мы предположили выше? Разумеется, можно.

Прежде всего большая краткость *хоть*, его неоспариваемая «разговорность», ведет к его предпочтительному использованию в кратких поэтических жанрах, особенно — в баснях, эпиграммах, частушках и под. При этом нужно учитывать и иные, чем у *хотя*, ритмические возможности *хоть*: двусложное слово vs односложное. Например, у И. А. Крылова: *Хоть видит око, да зуб неймет* — при несомненной одновременности действия *хоть* обеспечивает ритмический рисунок.

Кроме того, *хотя* — слово более протяженное и более «книжное» — является более предпочтительным у писателей при описаниях разного типа, при рассказе о развертывающихся событиях и т. д. Несомненно, что деловой язык предпочитает именно *хотя* (возможно, и из-за своей большей ориентированности на «презентное» состояние).

Таким образом, целесообразнее говорить не о семантической оппозиции этих двух союзов, а о тяготении каждого из них к разным полюсам некоей общей семантической шкалы.

5. В связи со всем вышесказанным было существенно понять пути эволюции *хотя* и *хоть* в диахронии, а также их схождения и расхождения на разных этапах истории русского языка. В Словаре И. Срезневского анализируется только *хотя*¹¹. Словарь русского языка XI–XVII вв., издаваемый Институтом русского языка РАН, и Словарь русского языка XVIII в., издаваемый Институтом лингвистических исследований РАН, до этих слов в своих выпусках

¹¹ *хотя* — союз со значением: **по крайней мере** и со значениями **хотя-хотя бы-если** [Срезневский 1959: 1394].

еще не дошли. Таким образом, основным источником явилось использование материалов Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка РАН¹².

Собранный материал показал, что анализу подлежат не два слова: *хотя/хоть*, а три: *хотя*, *хоть* и *хоти*. Последний союз, в настоящее время не употребляющийся, в древнерусском языке книжного стиля представлен широко и несомненно по своему происхождению является «застывшей» формой императива от *хотети*, подобно тому, как императивами являются и другие уступительные союзы: *пускай* и *пусть*. *Хотя* же, как уже говорилось, — это форма деепричастия от того же глагола, аналогичная *несмотря* от *смотреть*. О происхождении лексемы *хоть* будет говориться специально, в заключительной части статьи. Сейчас же необходимо заметить, что именно этот союз-частица *хоть* оказался представленным в Картотеке минимальным числом примеров, в отличие от *хоти* и особенно — от *хотя*. В дальнейшем используются только примеры на *хоть* из Картотеки, встреченные в **книжных** текстах, и не привлекаются данные, почерпнутые из сборников пословиц, поговорок, народных речений и проч., как плохо датируемые.

Заметим, что оппозиция *хотя/хоти* не отмечается для текстов некнижного характера. Например, А. А. Зализняк в своей фундаментальной монографии о древненовгородском диалекте [Зализняк 1995] не фиксирует ни *хоти*, ни *хоть*, но приводит четыре контекста с *хотя* (*хотѧ*).

(1) Грамота № 605 (конец XI — нач. XII в.):

...оже ми лихѡ молваше и покланяю ти сѧ братьче мои то си хотѧ мѡлви ты еси мои аѧ твои [Зализняк 1995: 246]. Здесь несомненно значение минимизации «хотя бы».

(2) Грамота № 724 (предположительно 1161 г.—1167 г.):

и заславѣ захарѧ въ вѣрь ѡрокѣ не данте савѣ ни одного песца хотѧ на нухъ емати и самѣ [Зализняк

¹² Для уточнений и расшифровок использовался: Указатель источников Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв. (М., 1984) в порядке алфавита сокращенных обозначений.

1995: 295]. Здесь определить значение затруднительно. Возможны два варианта, и А. А. Зализняк это отмечает в переводе [Зализняк 1995: 296]: «я сам хочу за это взяться», тогда деепричастие предлагает как бы «галлицизм» для этой эпохи. Второй вариант — «Сава хочет сам за это взяться». Но в любом случае эта форма представляется деепричастной.

(3) Грамота № 489 (первая половина XIV века):

Ъ попа .ко монсею. воступиса

... [Д]м. хотѣ бы ти. истерати

... [М]зо во томо.а дома п[р]о... [Зализняк 1995: 452].

Здесь *хотя* переводится уступительно условным комплексом «если даже».

(4) Грамота № 317 (вторая половина XIV века):

...а нынѣ покантеса того безаконна а не то дѣло шканѣное немного поводить а тыхъ бы хотѣ и не постыдѣтиса [Зализняк 1995: 463]. Это сложное для понимания место А. А. Зализняк переводит как: «Покайтесь же теперь в том беззаконии! А на то дело окаянное немногих попускает; а [вам] бы их хотя б не стесняться (т. е. хорошо бы, чтобы вы хотя бы не боялись осуждения с их стороны)» [Там же].

Эти четыре примера приведены специально для сравнения с неидентичным по семантике и структуре материалом книжных текстов Словаря РАН.

Понимая всю сложность представления функциональной семантики древнерусского материала, после обдумывания различных способов его представления, мы пришли к выводу, что изложение целесообразно строить следующим образом.

Сначала сообщается о некотором сложно определяемом «кусте» значений полифункционального типа, который соответствует всем анализируемым союзам. После чего представляются менее диффузные моносемантические употребления¹³.

¹³ Графический облик примера точно повторяет тот вид, в котором он представлен в Картотеке. Необходимо уточнить также, что представляются именно *примеры*, а не *весь материал* в Картотеке. Не сообщается также источник для каждого приводимого примера, так как это сильно увеличило бы объем изложения.

Вторая часть описывает семантику указанных трех союзов с распространителями (с вниманием к тем таксономическим трудностям, о которых говорилось выше).

В третьей части сообщаются факты, относящиеся только к одному из союзов — 1) уникальные семантические особенности и 2) не характерный для других распространитель.

В четвертой части делаются некоторые выводы о смысловом и функциональном различиях союзов-частиц *хотя*, *хоти* и *хоть* в древнерусском языке.

5.1. Первый семантический комплекс — «*пусть — если — хотя бы*».

Хотя:

прибыльнее хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать,

Фрол Скобеев сказал... хотя животь свой утрачу, а от Аннушки не отстану.

Хоти — подобные примеры не встретились.

Хоть — ситуация аналогичная.

Второй семантический комплекс — «*пусть — если*».

Хотя:

нашъ царь приказался накрепко: кто станетъ хотя царемъ назватся, повелель съсечь его,

как ни ѣсть хотя нетъ согласия между ими и другъ друга укоряеть обаче всѣ согласно заповѣдь магометскую сохраняють.

Хоти:

у брата своего у царя я не живу, а хоти коли у него буду, и онъ меня таятса, а в князя дѣла еше со мною не дѣлываль.

Хоть:

есть в томъ государствѣ води тепліе, в которыхъ мощно изварити яйце без огня и рибу хоть без дровъ и без огня¹⁴.

Первое одиночное значение — **уступительности**: «*пусть*» («*хотя*»):

¹⁴ Очевидно, что последний пример можно рассматривать как сложное предложение с большой натяжкой, то есть считать часть после *хоть* эллипсисом.

Хотя:

д̄ша еси моя милая дв̄ца хотя ты меня много хулиш і лаеш і
без чести і соромотиш а я на тебя не могу злобы ни досады
держати,
а воду то святить, хотя истинный крестъ погружается, да
молитву діавольскую говорить,
хотя мнѣ голова своя положити, а тебѣ послужу.

Хоти:

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вашъ въ то время
ещо на государстве не былъ... да въ томъ лихово нѣтъ
ничего,
хоти мнѣ шаха лѣта все дожидатца, а къ шаху мнѣ безъ
людей не езживать,
и говорить де, хоти имъ вѣсѣмъ помереть, а за Азовъ стоять
крѣпко.

Хоть — примеры не обнаружены.

Второе одиночное значение — **условия**.

Хотя:

а хотя кто что вынеслъ или на поле, на огороды, или въ
греблю, то все пламенемъ взялось,
а хотя коли повелимъ имати или на тѣхъ, у кого будутъ
грамоты наши жаловальныи, на монастырскихъ людехъ ни
тогда никто не емли ничего по сей нашей грамотѣ.

Хоти:

хоти придет к царю и на двор, а свѣдаетъ, что у Леонтья
царя Турского или Кизилбашского шаха послы или послан-
ники и ему к царю не ходити, а ѣхати к себѣ на подворье,
кто украдетъ хоти что не своихъ б алтынъ будет хоти
дерзнул на государя своего рукою до оружія.

Хоть — примеры не обнаружены.

Третье одиночное значение — **временное** («когда»).

Хотя:

а хотя он после нѣсколько сот годами опят в жидовскую
землю пришлолъ, и онъ все пусто нашель.

Примеров с *хоти* и *хоть* в этом значении не обнаружено.

Третье одиночное значение — **минимизации** («хотя бы»).

Хотя:

аще ли кто въ печали челоуѣка призритъ, хотя студеною водою напоит во узноенный ден, не лишен будет царства небеснаго,
и ежели иного кого не сыщется, то извольте послать хотя Федосью Грекову,
довлѣеть, чтобъ тѣ анбары, хотя не всѣ, были въ городѣ.

Хоти:

и по ся мѣста мочно было изготовити хотя два отпуска такихъ.

Хоть — примеры не обнаружены.

К этому значению примыкает более общее значение «крайности», доведения до предела: *и такъ тонцовали что и сорочки их хотя выжми отъ поту их.*

5.2. Прежде чем перейти к семантике анализируемых союзов с «распространителями», в качестве «гибридной» конструкции приведем примеры на разделительное значение союза *хотя*, который, дублируясь, передает значения: «или...или; будь то...или» и под.:

а за кормилица 12, тако же и за кормилцю, хотя си буди холопъ, хотя си роба,
слыша же блаженный Андрѣй, еже вопіаху, помилуй нас, хотя, либо не хотя, нача ся смѣяти,
а на Кемчике де острог хотя ставити, хотя и нет,
и о томъ объяви Курлянчикомъ, и вели збирать, хотя хотятъ, хотя нѣтъ.

Хоти в данном значении не представлено.

Хоть:

а ты де, Савка, ей, царевне, о томъ хоть извѣщай хоть нетъ,
я де про то сама съ Ульяною переговорю въ Покровском у церкви, у ранней обедни,
і ты стафъ хоть 1000-чи хоть 100, хоть 10 и опъ томъ не думай, хоть многое число напередъ, хоть малое, толко чтобъ правая сторона была равна.

Несколько смешивая композицию, заметим, что в подобном значении выступает и структура *хотя... или:*

а речеть тако: хотя богатырь или не богатырь, однако если холопъ государевъ и ко мнѣ имени не прибудеть, я же вездѣ въ равномъ разстояніи стоять не смотря на то хотя прямо или криво идуть.

5.3. Наиболее частотным распространителем для всех трех союзов безусловно является *и*.

Первое значение — комплекс **уступительности + условия**: «пусть—если-если даже»¹⁵.

Хотя:

а будетъ сыщется, что жили болши трехъ мѣсяць и на тѣхъ людей кабалы давать и поневоля, хотя они к ним итти въ холопы и непохотять,

ко всемъ милой другъ заежжаеть, онъ к одной ко мнѣ не заедет, а хотя онъ ко мнѣ и заедет, он тайны мнѣ онъ (*так!* — Т. Н.) не скажетъ.

Хоти:

а хоти и тѣхъ людей на Крымской сторонѣ не будетъ, и ему крымскою стороною отъ астроханскихъ воровъ не пройти, а хоти и цесарского или королевского или какова вельможного роду къ тому рыцарскому братству пристать хочеть, сперва долженъ о томъ прошение принестъ.

Хоть:

а хоть поедет басурман через мою землю, яз и его велю проводить с честью, а то ведь царевич, да мне и свой, если якій скотъ на що наколется или стрѣлюю прострѣлень будетъ хоть и наскрозь то тимъ коренемъ исцѣлется.

Второе значение — одиночное — **чистой уступительности**:

Хотя:

Ляховъ въ мукахъ учили, хотя и сами холопы, а намъ до Ржевскихъ дѣла нетъ, а Хима Ржевской хотя и будетъ Карповыхъ роду и Ржевским с Карповыми далеко разошлись.

¹⁵ Разумеется, *даже* — это почти синоним *и*: *Вдова должна и гробу быть верна* = *даже гробу*, но семантика *и* часто приближается к грамматикализованности, тогда как *даже* воспринимается более «отчетливо».

Хоти:

и государь вашъ хоти нашимъ рѣчемъ съ тобою и не говорить и не повѣритъ, и государь вашъ повѣритъ государя нашего грамотъ,

и нынѣ ты братъ мой въ мыслѣ себѣ такъ взялъ, хоти есмя отъ тебя и далече, а ты бы насъ близко себя чинилъ.

Хоть:

климатъ нашъ хоть и суровъ, однако же не всегда же ненастья да туманы, бываетъ и ведро.

Третье значение, также одиночное, — **минимизации**, близкое к современному «хотя бы». Обнаружено только с союзом **хотя**:

обо всемъ что вы нынѣ чините и где обрѣтаетесь, писать по вся недѣли, а не хуже хотя и по дважды въ неделю.

5.4. Вторым по частотности распространителем уступительных союзов **хотя** — **хоти** — **хоть** является отглагольная частица **бы**.

Общим семантически является компонент **условно-уступительного** значения: «**пусть/если**».

Хотя:

когда лошадь будетъ иметь черные мяса сухи, тогда хотя бы имѣла задние кости широки будетъ казатца не статна.

Хоти:

а хоти бѣ государь вашъ надъ ними что и учинилъ и государь нашъ по своей правдѣ о томъ взысканіе учинить.

Первое одиночное значение — **уступительности**: смысловой показатель «**пусть**»:

Хотя:

и если, государь, милость ваша к нему будетъ, чтобъ ему объявить чрезъ письмо, хотя бѣ, государь, его малымъ потѣшеньемъ что дать.

Хоти:

что вамъ мне въ беломъ платьи положити, хоти бы язъ и здоровъ былъ, но мысль моя... предлежитъ в черничество.

К нему примыкает «субзначение» — «**пусть даже**», то есть как бы **усиленная уступительность**:

[Ильдеджерта гораздо лучше убралась, і в консилиуме о войнѣ предлагала такъ порядочно хотя бы самому знающему все военные обряды.

Хоти — примеров в этом значении не обнаружено.

Второе одиночное значение — **условия**: «если»:

Хотя:

прежде всего надобно смотреть воздухъ и положеніе того мѣста гдѣ лошадей содержать. Ибо хотя бѣ кто Арапскихъ, Турецкихъ и Неополитанскихъ жеребцовъ имѣлъ, но ежели мѣсто и воздухъ къ тому неспособно, то никакого успѣху не будетъ

Хоти:

хоти б которая меж Келмашетем... была с Будачеем и с Муцаломъ и сора и чем было бити челомъ великому государю, а не им, Аллечуке и Хотаджуку... управливатца.

Третье одиночное значение — **минимизации**, некоего изначального, но необходимого минимального отсчета.

Хотя:

и требуетъ от вас хотя бѣ словесно благословили заочно.

Хоти:

онѣ бы хоти въ Астрахань послалъ людей своихъ.

5.5. Последняя разбираемая нами конструкция является общей для трех союзов, — это их сочетания с показателями **количества**. Будет справедливо заметить, что многие высказывания, приведенные нами выше в качестве примеров на отдельные значения, на самом деле почти синонимичны, и проводимые семантические границы часто искусственны. Кроме того, несомненно, что в приводимых далее примерах *хотя* / *хоть* / *хоти* являются, скорее, частицами, а не союзами, недаром В. В. Виноградов (см. выше) именовал их «частицами-союзами».

5.5.1. Комбинация союза с распространителем-показателем *мало*¹⁶.

¹⁶ Примеров на эту конструкцию приводится несколько больше, чтобы показать — хотя бы иконически — степень ее распространенности и грамматикализованности.

Хотя:

а мы ныня хотя мало поболим или жена, или дѣтя то стальше бга врага дшамъ и тѣломъ ищемъ проклятыхъ бабъ чаробѣицъ,
печаль преложить и отдохнове не хотя мало сотворить ми,
а ежели что хотя мало что в доимку упущено будетъ і оная взыскана будетъ на Колской воевоцкой канцеляриі несомненно,
надлежитъ приехавъ на станъ давать онимъ лошадямъ хотя мало есть отрубей моченыхъ чтоб те отруби прочистили горло.

Хоти:

хоти маленько побѣлее золотово ся покажетъ то дешевле еми.

Хоть:

что бы, государь, спустити 6 дней или въ два, что было, то судить хоть мало болѣзни твоей облегчения.

5.5.2. С тем же значением минимизации выступает сочетание союза-частицы с числительным *один*:

Хотя:

аще къ ней прикоснется хотя единымъ словомъ, то не можетъ сей день живъ быти,
а кто утаитъ хотя одну обжу, а уличимъ его, и мы того скажемъ своимъ государемъ.

Хоти:

а ты молви хоти одно то: цареву слово на головѣ держу, яко ни у меня с собою нет, ни в Литве остана, такова хоти едина пищаль, еже столь далече шествие пути кажет.

Хоть:

я готовъ тотчас умереть, говорил Гардвин, ежели у меня хоть одна капля крове что иное думаетъ, кроме спокойствия моеѣ милостивой принцессы.
а будетъ я ... образцовъ противъ сей млювной записи хоть въ единомъ въ словѣ своемъ не устою.

5.6. Итак, выше были продемонстрированы основные значения уступительности, передаваемой через союзы *хотя / хоти / хоть*, и модификации этих значений при

введении в высказывания «распространителей» при этих союзах. Нетрудно заметить, что выделяемые значения могут оказаться абсолютно синонимичными в высказываниях с распространителями и без них; наконец, в современном русском языке в одних случаях распространитель был бы элиминирован, а в других — введен. Все это еще раз подтверждает нашу мысль о практически непрерывно работающем «конструкторе», формирующем из партикулярных компонентов (как указывалось выше, по модели, напоминающей игрушку-калейдоскоп) разнообразные сочетания и комбинации. В языковой эволюции они могут объединяться и разъединяться, по-разному комбинироваться — именно по указанному принципу.

Кроме того (подобные примеры не приводились из-за боязни слишком перегрузить текст), все эти распространители могут быть представлены в разных внутривидовых сочетаниях. Таким образом, возникают квазикомплексы типа *бы + и*, *бы + и + один*, *будет + и* и т. д., сходные с теми комплексами клитик, которые известны для синтаксиса древних языков (например, хеттского), для романских языков, для южнославянских и т. д.

В заключение остановимся на тех комбинациях, которые характерны для одного какого-либо союза из анализировавшихся трех.

5.6.1. В первую очередь это относится к сочетанию *хотя* с инфинитивом. То есть здесь *хотя* выступает в своей исконной функции деепричастия от глагола *хотети*. В современном русском языке такое *хотя* было бы переделано как *желая*.

прииде в Киев Дионисии архиепископъ Суздальскыи... и
хотѣ ити на Москву, хотя быти митрополитомъ на Руси,
король бо поведе его на великого князя, хотя разорити хри-
стианство,
и прихотя он, Сумчалеи,.. великую нам тесноту и изгоню
чинит, хотя нас к себе в холопи взять и от твое царские
милости отлучить,
бедный... умысли себе смерти предати, бросися прямо с
мосту в ров, хотя ушибьтиса до смерти,

имѣемъ примѣръ памятной о взятіи буржа ілі бурга. Того ради что хотя его спасті его отъ здравого, убереженъ онъ былъ на нужду римлянѣмъ.

Естественно, что в подобных конструкциях не выступают ни *хоти*, ни *хоть*.

5.6.2. Второй не общераспространенной конструкцией является модель, где в основном выступает *хоти*. Это: *хоти + ино*.

Если в предыдущих примерах *хотя* четко выступает в функции деепричастия, то в этой — несомненно союзная функция *хоти*. Синтаксис соответствует правилу строгого параллелизма двух сообщаемых ситуаций.

Ино можно рассматривать и как целостную лексему, и как партикулярный комплекс *и + но*. Тогда он может анализироваться как дистанцировавшееся *и*, столь обычное для уступительных союзов *хотя/хоти/хоть*, в сочетании со столь же распространенным противительным *но*, о котором также говорилось в первой части работы. Однако эта лексема несомненно имела диффузную семантику. В «Этимологическом словаре славянских языков» для уровня древнерусского языка *ино* приписывается значение «но», «то», «так и так», «разве», «только» [ЭССЯ, вып. 8: 168]. И. И. Срезневский приписывает ему значения «то», «но», однако несомненно, что ряд примеров и для него остался семантически непрозрачным:

А подале пошедь, ино темница Господа нашего Ісуса Христа.

А въ црковь ту влезши, ино на правѣ Гурзинскія службы, Гурзи служатъ *и т. д.* [Срезневский 1958, т. 1: 1102].

Для указанной конструкции очевидно, что союз (союзная часть?) связывает синтаксически параллельные действия, где обсуждение говорящим второй ситуации обусловлено ситуацией первой:

а говорилъ де брату своему Кедеяю Алей царевичъ: хоти де послать проведать про посланника своего про Чирючея ино де послать человека с 2 или с 3,
хоти низок потолок, ино огня не страх,

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вадгъ въ то время ещо на государстве не былъ, ино отецъ его шахъ... о томъ ко государю нашему приказываль, да въ томъ лихово нѣтъ ничево.

5.6.3. Последняя конструкция является не общей для союзов и реликтовой, а потому рассматривается в этом же разделе. Это — сочетание союзов с распространителем *будет* + *и* (без *и* подобная конструкция в Картотеке не была представлена). Все высказывания с *будет* имеют значение футуральной **условности** + **уступительности** (последнее не во всех случаях)¹⁷.

Хотя:

а будетъ проведаютъ или хотя будетъ и Александровых, а посадиль его шах, к тому новому царю не ходить, сказал: такова разряду не помню, а хотя будетъ таковъ разрядъ и былъ и Юмранъ былъ менши чюлка, Азовъ сталъ некрѣпокъ, мочно его взять... только безъ государева повелѣнья учинить того не смѣютъ, хотя будетъ и возьмутъ, а ему, государю, будетъ неприятно, попрежнему Азова у нихъ принять не велить.

Хоти:

и того бѣ образа просити за изборскихъ людей пятьдесятъ человекъ, да хоти будетъ къ тому и прибавити, ино прибавити Фому Мотукѣва.

6. Как видно из предшествующего изложения, *хотя*, *хоти* и *хоть* (последнее, как уже говорилось, было представлено в картотеке минимально) по смысловому заданию оказались очень близкими. Формальные различия относятся к уникальному употреблению *хотя* с инфинитивом, а *хоти* — с *ино*.

Есть ли все же какие-то различия между этими союзами на древнерусском уровне? Если есть, то искать их нужно, видимо, на каком-то особом смысловом пласте.

¹⁷ Интересно отметить, что сейчас сочетание *хотя будет* воспринимается как некий не употребляемый архаизм, но в то же время *если будет* вполне укладывается в современные нормы, однако с ощущением полноточности глагола *быть*.

Обратимся к примерам с *хоти* и проанализируем их категориальную структуру:

и бояре и дьяки говорили: хоти государь вашъ въ то время еще на государстве не былъ, да въ томъ лихово нѣтъ ничево, и говорить де, хоти имъ всѣмъ помереть, а за Азовъ стоять крѣпко,
а нынѣ тебѣ не до тово, хоти еси добрѣ силенъ и крѣпкаго умыслу,
а хоти и тѣхъ людей на Крымской сторонѣ не будетъ, и ему крымскою стороною отъ астроханскихъ воровъ не пройти.

Ср. примеры с *хотя*:

бей Яловецкой ничего не делаетъ и дѣлать не хочеть, а хотя спаги и янычене на него кричать, что безъ дровъ и безъ воды быти не могутъ, сказываютъ, что дѣ дѣлаю, что мне велятъ, хотя бы и пропасть довелось,
послалъ меня къ бугдыханову величеству, и хотя не разумѣлъ царское величество, какимъ обычаемъ писалъ въ листу своемъ бугдыханово величество,
прибыльнѣе хлѣбъ ясть, хотя не хочется, нежели словъ лживыхъ слушать,
воеводство Поморское и подскарбство Прушское и другое надворное, хотя на многихъ стоитъ, толко указу королевского на нихъ нѣтъ,
а воду то святить, хотя истинный крестъ погружается, да молитву дѣвольскую говорить,
себѣ ужъ хотя воняю, да иныхъ не соблазнюю,
Фрол Скобеевъ сказал,.. хотя живот, свои утрачу, а отъ Аннушки не отстану.

Посмотрим на примеры с распространителями.

Примеры с *хотя*:

много и нынѣ такихъ, что много обѣщаютъ, а мало даютъ, хотя и вѣдаютъ, что на торгу за слова не продаютъ,
и сказали ему иные рабы, хотя ты и ничего не понесешь, мы нужды не имѣемъ,
лядунки не удобны... одна тягостна, а другая хотя бы и не тягостна, толко къ даннымъ походамъ не вечна.

Примеры с *хоти*:

что хочеть нашего царствія величества титла и печати учинити, и ты обезумѣвъ, хоти и вселенней назовешься государемъ, да хто тебя послушаетъ,

и того хотимъ, чтобъ тѣ наши подданные, которые вашъ гнѣвъ принесли, хотя и поучена будутъ толко бы впереди болши того об нихъ писанья не было,
что вамъ мне въ беломъ платъи положить, хотя бы язъ и здоровъ был.

Итак, как кажется, и в древнерусском языке два союза *хотя* и *хоти* отличаются корреляцией акциональных состояний в обоих событиях, соединяемых союзом. *Хотя* соединяет **одновременные** события. *Хоти* связывает **разные по совершаемости** ситуации: при этом могут комбинироваться настоящее и «вечное», настоящее и давно прошедшее, настоящее и будущее и т. д.

Естественно, что интерпретация этого приводит к исходной функции *хотя* как деепричастия настоящего времени, предполагающего акциональную одновременность. Это объясняет тот факт, что *хотя* почти не встречается в конструкциях с *ино*, так как здесь описывается ситуация условная, а не реальная. Это объясняет также частое тяготение контекстов с *хоти* к будущему времени: это и есть сентенциональный рефлекс на происхождение *хоти* от императива.

Таким образом, именно *хоти* оказывается наиболее близким к современному русскому *хоть*, если его рассматривать в противопоставлении *хотя*.

Логически из этого вытекает, что *хоти* было в русском языке вытеснено партикулой *хоть*¹⁸.

7. Последний, поднимаемый в настоящей работе вопрос — это проблема происхождения союза (частицы) *хоть*.

Как уже указывалось, во многих современных работах *хоть* объявляется либо «фонетическим» вариантом *хотя*, либо его «разговорным» вариантом. Наиболее внимательно к этому вопросу подошел Б. Лавров [Лавров 1941: 118—121]. Он обращает внимание на не анализировавшийся нами вариант уступительного союза *хошь*: *Хошь*

¹⁸ Процесс вытеснения *хоти* партикулой *хоть* очевидно нужно проследивать, начиная со второй половины XVIII в. По данным Словаря русского языка XI—XVII вв. это сделать не удалось.

черта впряги, инъ не тянетъ; Изловя вошь, отпусти хошь и под. По его мнению, безусловно хошь здесь — вариант от хочеши, но семантика его стерта и не всегда можно сказать, имеем ли мы дело со сказуемым или с частицей: Злоречивой хошь языкъ отрѣзать, и она перстомъ киваешь. Б. Лавров обращает внимание на то, что такое хоть часто встречается в севернорусских говорах, где наблюдается и мошь вместо можешь. В памятниках встречается и форма хочь как форма 2-го лица. Б. Лавров полагает, что это форма повелительного наклоения, которая функционирует в роли формы наклоения изъявительного. Что касается хоть и хоти, то обе они, по мнению Б. Лаврова, являются формами повелительного наклоения. Хоти, по его данным, встречается редко, а хоть связано главным образом с фольклорными текстами (напоминаем, что речь идет о древнерусском языке). Далее, Б. Лавров сомневается и в общепринятом мнении (которое он, однако, принимает) о том, что хотя — наиболее распространенный союз современного русского языка — является изначально причастно-деепричастной формой. Дело в том, что в польском языке ему эквивалентен союз *chocia*, тогда как нормативное соответствие русским деепричастным формам должно иметь на конце носовое *a*. «Так как русск. *хотя* не вполне соответствует польск. *chocia*, то это заставляет с большой осторожностью определять исходную форму союза» [Лавров 1941: 121].

Однако, по нашему мнению, более загадочным является генезис формы *хоть*.

Возможны при этом следующие гипотезы.

Это форма повелительного наклоения, имеющая функционирование в диалектах, подобно *положь*, *глянь*, *становь* и под., и перешедшая в современный язык после вытеснения *хоти*, которое, как мы старались показать, в древнерусском языке было аналогичным современному *хоть*. Тогда неясно — почему *хоти* было вытеснено, во-первых, и когда именно возникла эта диалектная форма, во-вторых?

Хоть является «фонетическим вариантом». Но — какой формы: от *хотя* или от *хоти*? Скорее, вероятно

второе, так как *хоти* исчезло из употребления. Тогда можно построить теорию двух *хоть* и «новое» *хоть* могло совпасть со «старым» и диалектным. Важно осознать, что существует еще чисто «металингвистическая» привычка определять диалектные формы как некие «отражения» литературных и тем самым им приписывать — хотя бы неявно — историческую вторичность.

Можно предположить иначе: на каком-то периоде развития русского языка (вероятно, это период постпетровский) произошло перераспределение функциональной парадигмы трех лексем: *хотя/хоти/хоть* (последнее из некоей параллельной «народной» формы). *Хоть* стало восприниматься и описываться как вариант от *хотя*, что фонетически было облегчено ударением на первом слоге в слове *хотя*, на самом же деле оно разделило с ним ряд функций (как мы показывали выше), а *хоти* было вытеснено как функционально избыточное.